

Lexical and semantic representations of the concept “nature” in the old English riddles

The article deals with the features of the naïve world picture of the English ethnos based on the old English riddles. The names of the concepts in the thematic field “Nature”, various parts of speech showing the specificity of the ethnic notions of the world are considered in the article.

Key words: *old English riddle, language world picture, concept, names based on subjects and features.*

(Статья поступила в редакцию 21.01.2016)

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

КОНЦЕПТОСФЕРА РАССКАЗА СТЕФАНА ЦВЕЙГА «ЗВЕЗДА НАД ЛЕСОМ»

Изучены ключевые концепты рассказа австрийского писателя С. Цвейга «Звезда над лесом» – любовь, отчаяние и одиночество, которые вербализуются, как правило, посредством выражения и значительно реже посредством обозначения. В концептосфере рассказа значительное место занимает метафора как способ художественной экспликации данных концептов.

Ключевые слова: *концепт, индивидуально-авторский концепт, концептосфера, рассказ, метафора, семантический признак, пассаж, протагонист.*

Индивидуально-авторские концептосферы все чаще и чаще привлекают внимание современных лингвоконцептологов [4; 5, с. 92–95; 6; 10, с. 104–106 и др.], что объясняется следующими причинами. Во-первых, коллективные концептосферы и формирующие их концепты уже достаточно полно описаны. Во-вторых, специфика содержания индивидуально-авторских концептосфер и, соответственно, образующих их концептов мало исследована. При изучении индивидуально-авторских концептов выявляются особенности их содержания, устанавливаются закодированные в них дополнительные смысловые

приращения, часто противоречащие стандартному пониманию конкретного концепта, равно как и определяются номинативные особенности оязыковления этого когнитивного образования, что позволяет обнаружить, в частности, и особенности идиолекта конкретной языковой личности. Специфика использования языка индивидом определяется целым рядом факторов: его речевыми пристрастиями, риторическими умениями, ментальными свойствами, самой коммуникативной интенцией. Выбор языковых средств индивидом служит художественно-эстетическим, когнитивным и прагматическим задачам, решаемым в авторском тексте.

Сама идея и тема художественного произведения детерминируют его концептосферу (т. е. совокупность концептов). В значительной части художественных произведений часто актуализируются одни и те же концепты-универсалии, т. е. смысловые образования, несущие в себе важнейшие ценности социума – смысл жизни, добро, любовь, дружба, справедливость и т. д. Однако их удельный вес в концептосфере той или иной языковой личности (например, писателя, поэта), более того, в концептосфере разных текстов (к примеру, текстов художественных произведений), созданных одним и тем же автором, оказывается обычно различным. Иначе говоря, различным бывает само ранжирование концептов в концептосфере разных произведений одной и той же языковой личности. Так, например, концепты «страх» и «любовь» актуализируются в концептосферах практически всех новелл известного австрийского писателя Стефана Цвейга (1881–1942 гг.), в то время как концепты «ревность» и «гнев» не воплощены в концептосферах таких произведений, как «Звезда над лесом», «Прогулка», «Любовь Эрики Эвальд».

Лингвоконцептологи, как показывает обзор работ [1; 7; 8; 9, с. 149–170; 11], при выборе материала для исследования предпочтение отдают описанию индивидуально-авторских концептосфер элитарных языковых личностей, повлиявших своим творчеством на духовное развитие социума, обогативших его новыми идеями, нестандартным подходом к интерпретации мира. К числу таких личностей относится, вне сомнения, и С. Цвейг, владевший чувством высокого слога, умело создававший оригинальные, в высшей степени эмоциогенные сюжеты, талантливо рисовавший художе-

ственные образы, обнажившие болевые точки эпохи. Здесь уместно привести слова литературного критика и переводчика Ю.И. Архипова: «Он захватывает читателя с первых строк любой своей книги, щедро одаривая радостью узнавания и сопереживания до самых последних страниц. Книги Цвейга из числа тех, о которых принято говорить, что их “проглатывают”. Занимательность сюжета, легкость беглого, но аккуратного слога, щемящая душу чувствительность описаний, доступный психологизм диалогов – вот слагаемые такого успеха» [2, с. 410]. Не потеряли своей актуальности произведения С. Цвейга, судя по тиражам их переизданий, и в наши дни.

В предлагаемой статье ставятся следующие задачи: 1) определить ключевые концепты рассказа «Звезда над лесом» («Stern über dem Walde», 1904 г.); 2) установить способы их речевого воплощения в этом произведении. При установлении ключевых концептов произведения мы исходим из двух критериев: 1) идейно-художественная и тематическая направленность произведения; 2) количественные показатели вербализации концепта, т. е. индекс частотности употребления слов, его обозначающих и выражающих. Прежде чем остановиться на них, передадим сюжет произведения.

Рассказ С. Цвейга «Звезда над лесом» – это история глубокой, скрытой от мира любви официанта Франсуа к знатной польской графине Островской. До беспамьятства влюбившийся в нее молодой человек прекрасно понимает сословное различие между собой и графиней и, соответственно, непреодолимую пропасть, их разделяющую. У Франсуа даже в мыслях нет сделать попытку познакомиться с Островской. Узнав о ее отъезде домой, в Варшаву, молодой человек решает на суицид, а именно – лечь под поезд, на котором его возлюбленная следует домой. Таков вкратце сюжет рассказа. Поскольку это произведение повествует о любви, вполне закономерен в нем ключевой статус концепта «любовь». Тайная, безответная любовь в рассказе вызывает у протагониста прежде всего состояние жуткого отчаяния и одиночества. Исходя из сюжетной канвы рассказа, его темы, можно легко вывести своеобразную триаду эмоциональных концептов – «любовь», «отчаяние», «одиночество». Статус ключевых концептов подтверждается и вторым критерием – высоким индексом употребления слов, обозначающих и, в особенности, выражающих данные когнитивные образования. Количественные

показатели вербализации концепта рассматриваем как один из критериев его выделения в качестве ключевого (основного), поскольку именно феномены, наиболее релеванты для автора произведения, находят в нем максимально полное и вариативное обозначение и выражение.

Прежде чем обратиться к контекстам, раскрывающим содержание концепта «любовь», выявим его понятийные признаки на основе анализа дефиниции лексемы, обозначающей данное когнитивное образование. В словаре Г. Варига дается следующее определение слова *die Liebe*: «Liebe – starke Zuneigung, starkes Gefühl des Hingezogeneins, opferbereite Gefühlsbindung, starke geschlechtsgebundene, opferbereite Gefühlsbeziehung» [13, с. 835]. Семантическими признаками слова *die Liebe* являются «сильная», «симпатия», «чувство влечения», «жертвенность», «чувственная связь», «половое чувственное влечение». Для более полного определения содержания рассматриваемого концепта обратимся к словарю ассоциаций. Ассоциативное поле слова, обозначающего концепт, формирует его содержание. В словаре «Ассоциативные нормы русского и немецкого языков» к слову-стимулу «die Liebe» даны следующие реакции респондентов*: *die Liebe* – schön (37), *das Herz* (37), *der Hass* (36), *das Glück* (20), *der Freund* (14), *wunderschön* (13), *wichtig* (11), *das Gefühl* (10), *die Geborgenheit* (9), *die Treue* (8), *vertrauen* (8), *der Schmerz* (6), *der Partner* (5), *rot* (5), *selten* (5), *wunderbar* (5), *die Familie* (4), *die Trauer* (4), *warm* (4), *die Zuneigung* (4), *die Ehe* (3), *die Emotion* (3), *die Enttäuschung* (3), *ewig* (3), *finden* (3), *die Freude* (3), *die Freundin* (3), *die Freundschaft* (3), *die Gefühle* (3), *die Herzen* (3), *kompliziert* (3), *das Leben* (3), *leben* (3), *wundervoll* (3) [3, с. 68]. Приведенные реакции немецких респондентов представлены целым рядом лексем, традиционно обнаруживающих устойчивую корреляцию (не только в немецкой лингвокультуре!) с понятиями «сердце» и «счастье». Слова *das Herz* и *das Glück* наиболее часто назывались респондентами. Сердце в европейской культуре служит символом любви. Поэтому максимально высокий индекс слова *das Herz* закономерен, равно как и не случайно высокочастотное упоминание немецкими респондентами в качестве ассоциата слова *das Glück*. Собственно, пережива-

* В скобках дан индекс частотности слов-реакций на слово-стимул «die Liebe».

ние любви и стремление достичь ее предполагает и переживание счастья. Это – во-первых. Во-вторых, обращает на себя внимание наличие в ассоциативном ряду позитивно-оценочной лексики, характеризующей любовь, в особенности таких слов, как *schön*, *wunderschön*, *wunderbar*, *wundervoll*. Первые два из них оказались частотными в перечне ассоциатов. В-третьих, исходя из такого параметра, как индекс частотности, отметим слова *die Treue* (верность, преданность), *die Geborgenheit* (чувство защищенности) и *vertrauen* (доверять), выступающие обязательными атрибутами любви. В-четвертых, укажем на слова широкозначной, диффузной семантики (*das Gefühl* – чувство, *die Emotion* – эмоция, *die Zuneigung* – симпатия, *das Leben* – жизнь, *leben* – жить). Первые три из них – это гиперонимы по отношению к гипониму «*die Liebe*». Указание гиперо-гипонимических отношений между словами – это обычная практика в ответах респондентов. В-пятых, интервьюируемыми названы немногочисленные слова, семантика которых либо явно противоположна значению лексемы *die Liebe* (слово *der Hass* – ненависть), либо же противоречит своими отдельными признаками значению данного слова-стимула (*der Schmerz* – душевная боль, *die Trauer* – печаль, *die Enttäuschung* – разочарование). Индекс их частотности среди слов-ассоциатов, как можно видеть, крайне низкий. Исключение здесь составляет лексема *der Hass*, являющаяся антонимом слова-стимула *die Liebe*. Слово *der Hass* отличается среди ответов респондентов очень высокой частотностью, что, на наш взгляд, вряд ли стоит интерпретировать как обязательную характеристику (например, по сравнению с понятиями «счастье», «радость») феномена любви. В данном случае наблюдается объективно обусловленная реакция интервьюируемого по принципу «от противоположного». Мышление человека бинарно. Фиксация антонимов, равно как и синонимов, – обычное явление в ответах анкетированных.

Признаки, указанные в лексикографическом источнике, равно как и перечисленные слова-ассоциаты, отражающие сегменты коллективного языкового сознания, спроецируем на индивидуально-авторский концепт «любовь», вербализованный в рассказе «Звезда над лесом» С. Цвейга. Данный концепт обозначается рядом лексических единиц – *die Liebe*, *liebe*, *lieben*. Индекс частотности их употребления равен 6. Помимо обозначения этот

концепт в рассказе часто выражается. Приведем примеры с комментариями.

Doch sein Gesicht ruhte diesen Moment knapp über der weichglockten duftenden Welle ihres Hauptes, und als er instinktiv das devot gesenkte Auge aufschlug, sah sein taumelnder Blick, in wie milder und weißleuchtender Linie ihr Nacken sich aus dieser dunklen Flut in das dunkelrote bauschende Kleid verlor. Wie Purpurflammen schlug es in ihm auf. Und leise klirrte das Messer an die unmerklich erzitternde Platte. Obzwar er aber in dieser Sekunde alle Folgeschwere dieser jähen Bezauberung ahnte, meisterte er gewandt seine Erregung und bediente mit der kühlen und ein wenig galanten Verve eines geschmackvollen Garçons weiter [14]. В приведенном отрывке читатель видит восхищение официанта Франсуа красотой графини, сидящей за ресторанным столиком. Пурпурным пламенем воспламенилась душа Франсуа при виде Островской: *Wie Purpurflammen schlug es in ihm auf.* Огневой метафорой здесь ярко передано эмоциональное состояние протагониста. Ключевым словом в приведенном контексте выступает слово *die Bezauberung* (очарование), показывающее всю глубину влюбленности Франсуа. Его взволнованность передана предложением *Und leise klirrte das Messer an die unmerklich erzitternde Platte* (*И тихо застучал нож по едва заметно дрожащей тарелке*). В следующем фрагменте текста дается развернутая характеристика концепта «любовь». Ему приписываются такие признаки, как «собачья преданность» (*hündisch treue Liebe*), «отсутствие плотского желания» (*begehrungslos*), «нерассудительность» (*ohne Besonnensein*): *Es war jene hündisch treue und begehrungslose Liebe, wie sie die Menschen sonst inmitten ihres Lebens gar nicht kennen, wie sie nur ganz junge und ganz alte Leute haben. Eine Liebe ohne Besonnensein, die nicht denkt, sondern nur träumt. Er vergaß ganz jene ungerechte und doch unauslöschliche Mißachtung, die selbst kluge und bedächtige Leute gegen Menschen im Kellnerfrack bezeugen, er sann nicht nach Möglichkeiten und Zufällen, sondern nährte in seinem Blute diese seltsame Neigung, bis ihre geheime Innigkeit sich aller Bspottung und Bemänglung entrang [Там же].* Любовь, как можно видеть, персонифицируется. Ей приписывается способность мечтать (*träumt*). Нерассудительность испытываемой протагонистом любви выражается не только свободным словосочетанием (*eine Liebe ohne Besonnensein*), но и антропоморфной метафорой «*Liebe denkt nicht*» (любовь не размышляет).

Индивидуально-авторскому концепту «любовь» в рассказе приписываются такие признаки, как «смирение», «покорность» (*die Unterwürfigkeit*), «готовность к унижению» (*die demütigende Nähe*), «счастье» (*das Glück*): *Er liebte den herrischen Stolz ihrer Befehle, den gebietenden Winkel ihrer schwarzen, sich fast berührenden Augenbrauen, die wilde Falte um den schmalen Mund, die sichere Grazie ihrer Gebärden. Unterwürfigkeit schien ihm Selbstverständlichkeit, und die demütigende Nähe niederen Dienstes empfand er als Glück, weil er ihr zu danken so oft in den zauberischen Kreis treten durfte, der sie umfing* [14].

Сравнение указанных в словаре «Ассоциативные нормы русского и немецкого языков» реакций респондентов на слово-стимул *die Liebe* с признаками индивидуально-авторского концепта «любовь» в рассказе «Звезда над лесом» позволяет выявить всего лишь два совпадающих признака у данного когнитивного образования – «счастье» (*das Glück*) и «преданность» / «верность» (*die Treue*). Смысловыми приращениями к этому концепту в концептосфере рассказа С. Цвейга являются «отсутствие плотского желания», «нерассудительность», «смирение», «покорность», «готовность к унижению».

Вторым ключевым концептом рассказа «Звезда над лесом» выступает концепт «отчаяние» (*die Verzweiflung*). Прямое обозначение данного концепта «*die Verzweiflung*» в рассказе употребляется всего лишь один раз. Значительно чаще этот концепт выражается, чем обозначается.

В словаре дается следующее определение слова *die Verzweiflung*: «völlige Hoffnungslosigkeit, äußerste Niedergeschlagenheit» [13, с. 1382]. Его семантическими признаками являются «völlig», «äußerst», «Hoffnungslosigkeit», «Niedergeschlagenheit». Первые два признака малоинформативны, поскольку они выступают в функции указания на степень интенсивности чувства, обозначаемого словом *die Verzweiflung*. Признаки «Hoffnungslosigkeit» (безнадежность) и «Niedergeschlagenheit» (подавленность) фиксируют негативную направленность переживаемого чувства, реакцию человека на безвыходность положения. Сопоставление названных семантических признаков слова *die Verzweiflung* с приписываемыми ему в рассказе С. Цвейга контекстуальными признаками позволяет увидеть различия коллективной языковой картины мира и индивидуально-авторской картины

мира австрийского писателя. Концепту «отчаяние» приписываются дополнительные смысловые признаки (плач, громкий смех, истерика, стрела, пронзившая сердце). Этот факт позволяет заключить, что рассматриваемый концепт ассоциативно богаче в индивидуально-авторской концептосфере С. Цвейга, чем в коллективной концептосфере.

В нижеприведенном отрывке рассказа С. Цвейгом передана эмоциональная реакция отчаявшегося Франсуа на известие об отъезде Островской: *Wie töricht, das nicht überdacht zu haben. Es war ja alles so klar, zum Lachen, zum Weinen klar. Er lachte ganz laut in seinem jähen ingrinnigen Schmerz. Und die Gedanken schwirrten und schwirrten* [14]. Отчаяние влюбленного протагониста выражается плачем и громким, истеричным смехом, быстро перешедшим в душевную боль, наполненную злобой, гневом (*in seinem jähen ingrinnigen Schmerz*). В следующем пассаже рассказа читатель узнает о суицидальном плане отчаявшегося протагониста: *Eine Weile sann er über die vielen Wege, die zum Tode führen, und wägte ihre Bitterkeit und Behändigkeit gegeneinander ab. Bis ihn plötzlich ein Gedanke durchzuckte. Aus trüben Sinnen fiel ihm jäh ein finsternes Symbol ein: so wie sie unwissend und vernichtend über sein Schicksal hinweggebraust war, so sollte sie auch seinen Körper zermalmen. Sie selbst sollte es vollbringen. Sie selbst ihr Werk vollenden. Und nun hasteten die Gedanken mit unheimlicher Sicherheit. In einer knappen Stunde, um acht Uhr ging der Expresß ab, der sie ihm entführte. Dem wollte er sich unter die Räder werfen, sich zerstampfen lassen von der gleichen stürmenden Gewalt, die ihm die Frau seiner Träume entriß. Unter ihren Füßen wollte er verbluten* [Там же]. В акте самоубийства протагонист хочет видеть определенные символические смыслы: если Островская, не догадывающаяся о его глубокой, преданной любви к ней, непреднамеренно растоптала судьбу Франсуа (*über sein Schicksal hinweggebraust*), пусть же она и в прямом, буквальном смысле растопчет и его тело (*seinen Körper zermalmen*). Герой повести решает лечь под колеса поезда, который должен увезти Островскую из курортного местечка домой, в Варшаву. Умереть, истекая кровью, под ее ногами (*unter ihren Füßen wollte er verbluten*) – мечта Франсуа, которую он реализует. Примечательно употребление в этом отрывке глаголов со значением «уничтожение, разрушение» – *zermalmen, sich zerstampfen lassen*, равно как и слов *der Tod, finster*, передаю-

щих мрачно-суицидальное настроение протагониста.

Состояние отчаяния Франсуа в приводимом ниже фрагменте текста передано метафорическим сравнением *wie ein schmerzhafter Pfeil in sein Herz bohrte*. Осознание того, что Островская никогда не узнает о его смерти ради нее, пронзает сердце Франсуа подобно вызывающей острую боль стреле: *Wirr sprangen die Gedanken. Und plötzlich einer, der blieb und sich wie ein schmerzhafter Pfeil in sein Herz bohrte: dass er um ihretwillen starb und sie es nie ahnen würde. Dass nicht eine einzige leise Welle seines aufschäumenden Lebens die ihre berührt hatte. Dass sie nie wissen würde, dass ein fremdes Leben an ihrem gehangen, an ihrem zerschmettert sei* [14]. Как и в предыдущем отрывке, в данном эпизоде рассказа употреблены придающие ему эмотивные признаки глаголы со значением «уничтожение, разрушение, смерть» – *sterben, zerschmettern*.

В конце рассказа описаны последние минуты жизни лежащего на железнодорожных рельсах в поле Франсуа. Он смотрит на далекую кажущуюся белой мерцающую звезду, так же как и он, глубоко одинокую. Предсмертные минуты самоубийцы полны отчаяния и любви, любви чистой, неразделенной, тайной, скрытой: *Und über dem Walde ein weißer blinkender Stern. Ein einsamer Stern über dem Walde... Schon begannen die Schienen unter seinem Kopfe leise zu schwingen und zu singen. Aber der Gedanke brannte wie Feuer in seinem Herzen und in dem Blicke, der alle Glut und Verzweiflung seiner Liebe faßte. Alle Sehnsucht und diese letzte schmerzliche Frage fluteten über in den weißen leuchtenden Stern, der mild auf ihn nieder sah* [Там же]. Ключевыми в данном отрывке выступают слова *die Verzweiflung* (отчаяние), *die Liebe* (любовь), *das Herz* (сердце), *die Sehnsucht* (тоска), *schmerzlich* (мучительный), выражающие концепты «отчаяние» и «любовь». Наиболее высокочастотными из них являются слова *der Schmerz* (индекс частотности употребления равен 7), *das Herz* (индекс частотности употребления равен 5) и их дериваты. Используемая в приведенном примере огневая метафора (*alle Glut und Verzweiflung seiner Liebe*) реализует авторскую интенцию выразить глубину чувств главного персонажа рассказа.

В сложной палитре человеческих чувственных отношений с переживанием отчаяния граничит одиночество. В немецкоязычной лексикографической практике слово *die Einsamkeit* (одиночество) не имеет удовлетворительной дефиниции: «die Einsamkeit – ein-

same Beschaffenheit, Menschenleere; das Einsamsein, Alleinsein, Verlassenheit» [13, с. 393]. Для определения содержания концепта «die Einsamkeit» обратимся к текстам, в частности размещенным на немецких форумах, участники которых дискутируют важную для современного европейского общества проблему одиночества. Анализ этих материалов позволил Н.В. Подзолковой установить ассоциации одиночества с такими субстанциями, как боль, болезнь, враг, убийца, хищник, оковы, тюрьма, стена, яд [12]. По мнению участников интернет-форумов, одиночество лишает человека не только физического, но и душевного здоровья: *diese Einsamkeit macht wahnsinnig. Einsamkeit macht einen Menschen krank. Damit meine ich nicht nur körperlich, sondern seelisch, geistig, physisch, in seinem Herzen*. Часто одиночеству приписываются действия хищника (46 примеров). Одиночество подкрадывается, нападает, хватает и пожирает жертву: *Einsamkeit, die jetzt auch schon hier nach mir greift. Und so schleicht sich die Einsamkeit langsam am mich ran. Wenn man mir sowenig Liebe im Leben aufwächst, dann frisst dich die Einsamkeit langsam auf, Stück für Stück. Einsamkeit, die jetzt auch schon hier nach mir greift*. Одиночеству приписываются вкус, запах, цвет, звуковые и температурные характеристики. Ценностную сторону этого концепта, согласно Н.В. Подзолковой, составляет преимущественно отрицательно-оценочное отношение к переживанию одиночества человеком [Там же].

В концептосфере рассказа «Звезда над лесом» концепт «одиночество» ключевой, что определяется темой и идейным содержанием произведения. Обозначениями этого концепта служат лексемы *die Einsamkeit* и *einsam*. Индекс частотности их употребления равен 5. Данный концепт в рассказе чаще выражается, чем обозначается. Приведем пример: *Eine finstere schwarze Nacht stand drohend vor ihm. Da erhob er sich sicher und gelassen von seiner Bank und schritt über den knirschenden Kies zu dem großen, in weißem Schweigen schlafenden Hause empor. Bei ihren Fenstern blieb er stehen. Sie waren blind und ohne ein funkeln des Lichtezeichen, daran sich träumerische Sehnsucht hätte entzünden können* [14]. В этом текстовом пассаже изображено состояние глубокой тоски влюбленного Франсуа, понимающего бесперспективность выстраивания отношений с графиней Островской. В приведенном примере состояние тоски и одиночества выражается описанием слепых окон (*blind*), темной ночи

(finstere schwarze Nacht) и самим номинантом эмоции *die Sehnsucht* (тоска). В другом пассаже одиночество и одновременно отчаяние протагониста выражаются посредством оценочных лексем *öde* (скучный, безысходный), *leer* (пустой), *zermartert* (разбитый, раздробленный), *töricht* (бестолковый) и номинантом эмоции *die Sehnsucht* (тоска): *Er rechnete: hundert oder zweihundert Francs Ersparnisse im besten Falle. Das reichte kaum die Hälfte des Weges. Und was dann? Wie durch einen zerrissenen Schleier sah er auf einmal sein Leben, fühlte, wie arm, wie kläglich, wie häßlich es jetzt werden mußte. Öde leere Kellnerjahre, zermartert von törichter Sehnsucht, diese Lächerlichkeit sollte seine Zukunft sein* [14].

Состояние одиночества и тоски переживает и графиня Островская: *Sie zuckt zusammen. Instinktiv trifft ihr Blick den hohen schweigenden Himmel und drüben die schwarzen rauschenden Bäume. Und über ihnen ein einsamer Stern über dem Walde. Sie fühlt seinen Blick wie eine funkeln- de Träne. Sie sieht ihn an und spürt jählings eine Traurigkeit, wie sie sie nie gekannt. Eine Traurigkeit voll Glut und Sehnsucht, wie sie in ihrem eigenen Leben nie war...* [Там же]. Вид печально-одинокой звезды над лесом вызывает у графини глубокую тоску и чувство одиночества. Ей видятся сверкающие слезы во взгляде звезды (*eine funkelnde Träne*). Лексемы *zusammenzucken* (вздрагивать), *die Träne* (слеза), *die Traurigkeit* (печаль), *die Sehnsucht* (тоска) и словосочетания *schweigender Himmel* (молчаливое небо), *die schwarzen Bäume* (темные деревья) служат средством выражения концептов «одиночество» и «тоска». Состояние душевного угнетения, трудно объяснимой тоски и ощущение внезапного одиночества, овладевшие графиней Островской, вызваны взглядом звезды, вобравшей в себя отчаяние и тоску Франсуа: *Alle Sehnsucht und diese letzte schmerzliche Frage fluteten über in den weißen leuchtenden Stern, der mild auf ihn nieder sah* [Там же]. Заканчивается рассказ описанием глубокой душевной боли и одиночества Островской, постепенно освобождающейся от приглушенного страха (*dumpfe Angst*) перед звездой, печально мерцающей над лесом: *Langsam rattert der Zug wieder weiter. Sie lehnt in der Ecke und spürt leise Tränen über die Wangen tropfen. Die dumpfe Angst ist gewichen, sie fühlt nur noch einen tiefen seltsamen Schmerz, dessen Spur sie vergebens nachsinnt. Einen Schmerz, wie ihn verschreckte Kinder haben, wenn sie in finstrier undurchdringlicher Nacht plötzlich erwachen und fühlen, daß sie ganz einsam sind...* [Там же].

Примеры позволяют установить в индивидуально-авторском концепте «одиночество» австрийского писателя следующие смысловые приращения: «*blinde Fenster*» (слепые окна), «*leer*» (пустой), «*zermartert*» (разбитый), «*schweigender Himmel*» (молчаливое небо), «*die schwarzen Bäume*» (темные деревья), «*ein einsamer Stern über dem Walde*» (одинокая звезда над лесом), «*eine funkelnde Träne*» (сверкающая слеза).

Ключевыми концептами рассказа «Звезда над небом» С. Цвейга являются «любовь», «отчаяние» и «одиночество». Статус ключевых у концептов «любовь», «отчаяние» и «одиночество» объясняется тематической направленностью и идейным содержанием произведения, равно как и достаточно высоким индексом частотности употребления обозначающих и выражающих их слов. Материал показывает, что данные концепты в рассказе «Звезда над небом» чаще выражаются, чем обозначаются. Для выражения концептов «любовь», «отчаяние» и «одиночество» нередко используются огневая и антропоморфная метафоры. Применение данной фигуры речи обусловлено в первую очередь выполняемыми ею художественно-эстетической и экспрессивной функциями.

Индивидуально-авторскому концепту «любовь» в рассказе «Звезда над небом» приписываются следующие признаки: «отсутствие плотского желания», «нерассудительность», «смирение», «покорность», «готовность к унижению». Индивидуально-авторский концепт «отчаяние» обладает следующими дополнительными смысловыми контекстуальными приращениями в упомянутом рассказе: «плач», «громкий смех», «истерика», «стрела, пронзившая сердце». В содержании индивидуально-авторского концепта «одиночество» в концептосфере рассказа С. Цвейга выявлены следующие смысловые признаки: «слепые окна», «пустой», «разбитый», «молчаливое небо», «темные деревья», «одинокая звезда над лесом», «сверкающая слеза звезды».

Список литературы

1. Александрович Н.В. Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
2. Архипов Ю.И. Триумф и трагедия Стефана Цвейга // Стефан Цвейг. Нетерпение сердца. Исто-

- рические миниатюры. М.: Изд-во «Правда», 1982. С. 410–415.
3. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт и др. М.: Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004.
4. Бобина А.Г. Идиостиль Владимира Высоцкого: субъектная структура и хронотоп: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2013.
5. Выстропова О.С. Гипербола и сравнение как способы репрезентации индивидуально-авторского концепта «любовь» в творчестве Р. Бёрнса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2013. № 1 (76). С. 92–95.
6. Кадырова Н.С. Концептосфера романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013.
7. Кривошапко С.А. Концепты «время» и «пространство» в лирической поэзии С.А. Есенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2010.
8. Кузнецова Л.Н. В.В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект (на материале текстов о языке и стиле русских писателей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013.
9. Макарова О.С. Индивидуально-авторская концептосфера Фридриха Ницше: образные и ценностные признаки // Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты: кол. монография / науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград: Парадигма, 2012. С. 149–170.
10. Макарова О.С. Метафорическая реализация индивидуального базисного концепта «Wahrheit» в философии Ф. Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (22). С. 104–106.
11. Маслова В.А. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.
12. Подзолкова Н.В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
13. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. Gütersloh – München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992.
14. Zweig Stefan. Der Stern über dem Walde. URL: <http://www.gutenberg.org>. (дата обращения: 05.01.2016).
- * * *
1. Aleksandrovich N.V. Konceptosfera hudozhestvennogo proizvedenija v originale i perevode (na materiale romana F.S. Ficdzheral'da «Velikij Gjetsbi»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2010.
2. Arhipov Ju.I. Triumf i tragedija Stefana Cvejga // Stefan Cvejg. Neterpenie serdca. Istoricheskie miniatjiry. M.: Izd-vo «Pravda», 1982. S. 410–415.
3. Associativnye normy russkogo i nemeckogo jazykov / N.V. Ufimceva, I.A. Sternin, H. Jekkert i dr. M.: Voronezh: Izd-vo «Istoki», 2004.
4. Bobina A.G. Idiostil' Vladimira Vysockogo: sub#ektnaja struktura i hronotop: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. M., 2013.
5. Vystropova O.S. Giperbola i sravnenie kak sposoby reprezentacii individual'no-avtorskogo koncepta «ljubov'» v tvorcestve R. Bjornsa // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2013. № 1 (76). S. 92–95.
6. Kadyrova N.S. Konceptosfera romana M.A. Bulgakova «Belaja gvardija»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2013.
7. Krivoshapko S.A. Koncepty «vremja» i «prostranstvo» v liricheskoj poezii S.A. Esenina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D., 2010.
8. Kuznecova L.N. V.V. Vinogradov kak professional'naja jazykovaja lichnost' učenogo-filologa: lingvoritoricheskij aspekt (na materiale tekstov o jazyke i stile russkih pisatelej): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Majkop, 2013.
9. Makarova O.S. Individual'no-avtorskaja konceptosfera Fridriha Nicshe: obraznye i cennostnye priznaki // Nemeckaja konceptosfera: nacional'nye i individual'no-avtorskie koncepty: kol. monografija / nauch. red. V.I. Karasik. Volgograd: Paradigma, 2012. S. 149–170.
10. Makarova O.S. Metaforicheskaja realizacija individual'nogo bazisnogo koncepta «Wahrheit» v filosofii F. Nicshe // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 4 (22). S. 104–106.
11. Maslova V.A. Pojet i kul'tura. Konceptosfera Mariny Cvetaevoj: uceb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2004.
12. Podzolkova N.V. Koncept «odinochestvo» v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2005.

Concept sphere of the story by Stefan Zweig “The Star above the Forest”

The key concepts of the story by an Austrian writer Stefan Zweig “The Star above the Forest” are love, despair and loneliness. These concepts are verbalized in this story by expressing and more rarely by notion. The concepts “love”, “despair” and “loneliness” are implemented in the lexemes “Liebe, verzweifeln, einsam” and their derivatives. In the concept sphere of the story a special role is given to a metaphor as the way of artistic explication of the concepts.

Key words: *concept, individual author’s concept, concept sphere, story, metaphor, semantic sign, passage, protagonist.*

(Статья поступила в редакцию 22.01.2016)